

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. В. ГОРНУНГ

О ХАРАКТЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

В проводимой сейчас журналом «Вопросы языкознания» дискуссии о структурализме некоторые ее участники (С. К. Шаумян и А. А. Реформатский) утверждают, что все предыдущее развитие науки о языке (сводящееся в их понимании к неуклонному преодолению «младограмматических» теорий) и конкретные успехи лингвистической методики в области описания и анализа системы языка логически ведут к тому, что современное языкознание должно стать «структурно лингвистикой». По мнению этих авторов (особенно С. К. Шаумяна), это утверждение вполне совместимо с признанием, что в основе советского языкознания должна лежать марксистская теория. С. К. Шаумян идет даже дальше, считая, что только «структурная лингвистика» и является подлинным марксистским языкознанием — «диалектическим», а не «метафизическим».

Положение о том, что понятие «языковой структуры» должно занимать в современном языкознании одно из центральных мест, можно в общей форме принять. Но из этого совершенно не следует, что можно хоть в какой-то степени соглашаться с авторами, которые, подобно С. К. Шаумяну и А. А. Реформатскому (а таких авторов у нас не так уж мало), совершают неправомерную подмену защиты и теоретического обоснования «структурной лингвистики» оправданием методологической основы, общей для всех вариантов современного зарубежного структурализма, под какими бы «самостоятельными» вывесками эти варианты ни выступали. Вместе с тем должно быть решительно отвергнуто и утверждение, что такой единой основы вообще нет и что «структурализм» — это условное обозначение всех современных «передовых» лингвистических направлений, успешно преодолевших пороки «устаревшего» языкознания XIX в.¹ Эта точка зрения основана на том, что присущая большинству структуралистов путаница в основных понятиях, произвольность в употреблении традиционных и в создании новых терминов и бесконечные и бесплодные терминологические споры ошибочно принимаются за отсутствие единой теоретической основы².

В настоящей статье я не имею намерения дать систематический анализ исходных (иногда не излагаемых *explicite*, а только подразумеваемых)

¹ Ср. у М. И. Стеблина-Каменского: «Структурализм — это вовсе не какая-либо законченная система взглядов... это — все оригинальные методологические искания последних 30-ти лет в области языкознания...» (ВЯ, 1957, № 1, стр. 35); у А. А. Реформатского: «...недифференцированное понятие „структурализм“ содержит очень много противоречивых признаков и качеств... есть разные виды структурализма..., коренным образом отличающиеся друг от друга» (ВЯ, 1957, № 6, стр. 25).

² Среди зарубежных структуралистов есть немногие трезвые умы, прекрасно видящие порочность отдельных сторон теоретической доктрины структурализма и тупик, в который она ведет языкознание. Ср., например, A. Martinet, *The unity of linguistics*, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954, стр. 1—5.

предпосылок в с е х разновидностей структурализма¹. Придерживаясь взгляда, что понятие «языковой структуры» является необходимым и важным для современного языкознания, я только постараюсь разобрать, что понимается под этим термином у структуралистов и что должно под ним пониматься по моему мнению.

Понимание «языковой структуры» у структуралистов и «глоссематиков», во-первых, обусловлено у них очень часто (хотя и не всегда) полным отождествлением языка с другими (произвольно создаваемыми человеком) знаковыми системами (вплоть до светофора). Во-вторых, оно связано у них со специфическими приемами «расслоения» (stratification) языка, применяя которые они полностью игнорируют его общественную природу и его общественные функции. В-третьих, оно (как это ни парадоксально) является самым туманным и запутанным во всем структурализме.

Как только речь заходит о самой с у щ н о с т и «языковой структуры», у каждого из видных структуралистов или у каждой небольшой группки их, характеризующейся полным сдиномыслием ее членов, обнаруживается с в о е понимание этой сущности. Это понимание иногда исходит как будто из общепринятых предпосылок, известных и традиционному языкознанию, но развивается с такими внутренними противоречиями, что не приводит ни к каким положительным результатам. Чаще же сами предпосылки являются абсолютно неверными, так как сводятся к нанизыванию ничем не обоснованных аналогий между «структурой языка» и различными «дискретными структурами», которые существуют в физическом мире, обладают «абсолютным равновесием» и несколько не зависят от человеческого общества. Поэтому есть все основания утверждать, что именно в вопросе об определении сущности языковой структуры, структурного характера системы языка современная зарубежная лингвистика до сих пор не дала ничего законченного, до конца продуманного. По признанию самих структуралистов, все предлагаемое ими — это только «рабочие гипотезы». Даже учитывая признаваемый самими авторами априорный и дедуктивный характер этих «гипотез», нельзя не констатировать их внутренней противоречивости. Структуралисты и глоссематики до сих пор мечутся между соссюрровской «двуплановостью» знака, физикалистскими аналогиями с «дискретными структурами» природы (например, кристаллической) и механицизмом американской школы, которая видит в системе языка прежде всего «упорядочение» и «распределение»².

Из этого ясно, что аналогии между «структурой» социального (и притом семиотического) явления, каким является язык, и структурой физической или же структурой, хотя бы и относящейся к жизнедеятельности человеческого индивида, но несемiotической (какою является «Gestalt» в психологии), бесполезны. Они бесполезны потому, что стремление установить соответствие между явлениями, которые являются разнохарактерными именно по своим с т р у к т у р н ы м признакам, не может ничего объяснить. Они не только бесполезны, но и вредны, потому что они отклоняют исследователя от пути, на котором может быть найдено правильное объяснение, исходящее из структурной специфики объекта. Наиболее вредными являются те из аналогий, которые толкают исследователя к «открытию» в объекте лингвистического анализа, т. е. в языке, таких структурных черт и таких отношений между структурными элементами (хотя бы и правильно выделенными), каких в языке реально нет.

¹ Можно отослать читателя к сжатой, но очень точной характеристике структурализма в книге: G. P ä t s c h, Grundfragen der Sprachtheorie, Halle, 1955 (см. стр. 45—47).

² Последний термин, насколько можно судить, употребляется в значении, близком к его значению в математической статистике.

Так, В. Брёндаль¹, исходя из положения современной физики о том, что в строении материи волновой и корпускулярный принципы его объяснения не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими, как два разных «аспекта», хочет буквально перенести этот объяснительный принцип в языкознание², конструируя понятия «ритма» (в о с о б о м значении этого слова) как якобы коррелятивное понятие «системы». Таким путем у него получается следующая схема:

	Фоника (учение о звуках)	Грамматика (учение о смыслах — <i>sens</i>)
Аспект системы	Фонология	Морфология
Аспект ритма	Фонетика	Синтаксис

В этой схеме коренятся, по моему мнению, истоки учения об «изоморфизме», принимаемого очень многими структуралистами (хотя, может быть, связь именно с этой схемой Врёндаля и не осознается). Разбор учения об изоморфизме выходит за рамки данной статьи³, но следует сказать, что если отвлечься от этих его истоков, то в нем можно усмотреть некоторый положительный момент при условии, что этому принципу не придется характер универсальности. Сейчас же важно лишь подчеркнуть, что в своем корне и это учение может быть возведено к неправомерно использованной аналогии из области физики. Только на основе этой аналогии и создано ф и к т и в н о е понятие «ритма» как коррелята понятия «системы». Это — один из многочисленных фактов, дающих основание определять философскую основу современной зарубежной так называемой «структуральной лингвистики» как ф и з и к а л и з м, что, по-видимому, нашими отечественными адептами этой лингвистики не создается. Физикализм — это, конечно, не перенесение физических понятий и рабочих методов физики на другие области знания (до этого еще пока никто не доходил), это — одна из форм н а у ч н о г о м и р о в о з з р е н и я, без наличия которого у исследователя невозможно создание концепций, подобных концепциям В. Брёндаля и Л. Ельмслева⁴. Физикализм — одна из многочисленных разновидностей «антиисторизма», противостоящего и с т о р и з м у, наличие которого как научного мировоззрения тесно связано с учетом, при л ю б о м аспекте рассмотрения языка, его специфики как явления общественного, с признанием примата его коммуникативной функции (передача с о д е р ж а н и я), с признанием факта зависимости языка от развития общества, от изменения потребностей общения. Научные позиции историзма или «антиисторизма» никак не зависят от признания или непризнания прав «истории языка» на существование. Известно, что никто из структуралистов, соссюрианцев и глоссематиков этих прав «истории языка» не отрицает, и некоторые из них даже сами не без успеха занимаются ею. Это, однако, не мешает им оставаться представителями той или иной разновидности «антиисто-

¹ V. B r ö n d a l, Les oppositions linguistiques (доклад на Конгрессе психологов 1936 г.). Перепечатан в его «Essais de linguistique générale», Copenhague, 1943, стр. 41—48.

² По методу это перенесение напоминает шлейхеровские попытки приложения теории Дарвина к языкознанию.

³ См. О. С. А х м а н о в а, О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий, ВЯ, 1955, № 3, стр. 82—95; J. K u r y ł o w i c z, La notion de l'isomorphisme, TSLC, vol. V, 1949.

⁴ Соответственно и «математизм» не есть применение математических методов в других науках (что и в лингвистике законно в определенных очень ограниченных пределах), а тоже — только научное мировоззрение, приводящее к неправомерным аналогиям и мешающее лингвисту видеть специфику его объекта.

ризма», что может проявляться даже и в их историко-лингвистических исследованиях, и уже обязательно проявляется при рассмотрении принципиальных вопросов теории языка. Этой, казалось бы, простой истины очень часто не понимают или, по крайней мере, забывают о ней.

*

{ Зарождению структурализма предшествовало пышное цветение немецкой, австрийской и позже американской «Gestaltspsychologie». Для раннего копенгагенского структурализма (конец 30-х годов), т. е. в основном для В. Брёндаля, структура — это была прежде всего «Gestalt», т. е. полная «сращенность» взаимодействующих и взаимопроникающих элементов, соподчиненность их в абсолютном конкретном единстве. Поскольку в реальной действительности в непосредственном восприятии язык дан нам всегда в виде «высказывания», «сообщения», или «текста», единство которого, кроме всего прочего, определяется также и моментом стиля, вытекающего из целенаправленности и обстановки высказывания, — такое абстрактное определение структуры, выводимое из существенных признаков «Gestalt» в психологии, могло бы быть приложено и к языковой структуре, хотя специфику этой последней оно, конечно, отражает недостаточно. Однако для структуралистской теории этого оказалось мало: тут же начал действовать соблазн позаимствовать из современной физики, перестроенной в свете квантовой теории, идею «дискретности» структуры (В. Брёндаль)¹ или же вспоминалась «билатеральность» языкового знака, т. е. «два плана» Ф. де Соссюра (Л. Ельмслев).

В итоге получалась попытка примирить непримиримое и соединить несоединимое, так как все три идеи, взятые из психологии, из физики и лингвистики, в корне противоречили друг другу:

1. «Gestalt» — это, во-первых, конкретность, не сводимая ни к какой стоящей за нею «системе», и, во-вторых, структура принципиально **одноплановая**, если, конечно, не говорить о «плане» восприятия и «плане» объекта (т. е. действительности, существующей независимо от восприятия и являющейся его отправною точкою); но эта «двухплановость» — принципиально иная.

2. Все физические структуры **одноплановы** без всяких оговорок и кроме того «дискретны» (это положение действительно является одною из основ современной физики), и применение к ним (например, к кристаллической структуре, к структуре атома) понятия «конкретности» может быть основано только на своего рода «народной этимологии», связывающей этот термин с латинским глаголом *concreresco* «срастаться», «сгущаться» и т. п.².

¹ О том, насколько безнадежны попытки «перенести» идеи квантовой теории и физической «дискретности» в другую область (за пределы физики), прекрасно говорит такой выдающийся представитель естествознания начала XX в., как В. И. Вернадский в своих «Мыслях о современном значении истории знаний» («Труды комиссии по истории знаний», Л., 1927, стр. 7). За последние 30 лет положение с формулировкой философских принципов квантовой теории по существу мало изменилось, несмотря на блестящие успехи ее приложений в физико-химических науках (см. М. Э. Омельяновский, Философские вопросы квантовой механики, М., 1956). Поэтому, если даже признать правильным вообще положение о том, что с прогрессом науки ряд естественно-научных понятий превращается в «общенаучные», то все равно в данном конкретном случае это положение неприменимо, и остается в силе утверждение В. И. Вернадского, что квантовая теория как «символ» есть «одно из интереснейших событий в истории научной мысли, изучение которого, может быть, позволит приблизиться к выявлению законов так называемой научной интуиции» (там же). Качество интуиции физика и интуиции лингвиста во всяком случае различно, и непонимание этого бесспорного положения (или несогласие с ним) есть одно из самых слабых мест структуралистских и глоссематических теорий.

² Философские термины *concretus*, *concretum* как антонимы терминов *abstractus*, *abstractum* (от *abstrahō* «отвлекать», «отклонять») произведены в позднем средневековье

3. Знак всегда конкретен (в только что указанном философском смысле)¹, так как должен всегда восприниматься (или «познаваться») в своем целом; кроме того, знак не может быть одноплановым, так как он всегда есть знак *чего-то*, хотя «два плана» или «билатеральность» — это упрощение, недопустимое в применении к языку, так как языковой знак является не двухплановым, а многоплановым. Знак (*res, quae signum est*) в языке обладает содержанием, раскрываемым в системе форм (а не выраженным непосредственно в одной нерасчлененной форме), и, если производить «стратификацию» языка не так, как это делает Л. Ельмслев, то каждый, так сказать, «более внутренний план» окажется «содержанием» по отношению к «более внешнему плану». Вещи, не являющиеся знаком (*res, quae signa non sunt*), принципиально не имеют никакого «содержания»: форма в них не структурна, а «конструктивна» и противопоставлена только «материалу»², а сами они лишены «содержания» в собственном смысле, а имеют только социальную или природную функцию (от *fungor* «выполняю»)³ или несколько таких функций: например, с помощью пресс-папье можно закатывать гвозди, и «структура» предмета для этого не должна меняться или приспособляться; корни, питающие деревья, могут также сдерживать оползни, и т. п. Вещь, не обладающая знаковой структурой и не имеющая, следовательно, функций знака как таковая, может, однако, получить в соответствующих условиях сопутствующую знаку более прими-

не от классического *concreresco*, а от неологизма *concerno* «одновременно учитывать», «познавать в целом». Незнание этого факта много раз приводило к путанице и в философских сочинениях, когда начинали усматривать «сращенность» там, где ее объективно не было и где она и не имелась в виду.

¹ Понятие конкретности в ином плане (т. е. связанное с глаголом *concreresco*) в языкознании может быть применено только к стилистическому (экспрессивному) единству высказывания или текста (см. об этом ниже, стр. 44), которое было предметом внимания в женевской школе (у Ш. Балли), а также в одном ограниченном специальном плане (в плане Schallanalyse), в школе Эд. Зиверса, но игнорируется так называемой «структуральной лингвистикой». Наоборот, у Блумфилда и его последователей этой стороне языка, рассматриваемой на «биехевиористской» психологической основе, придается непомерно большое значение в ущерб анализу структурных элементов языка. В результате смещения перспективы и превратного толкования основной функции языка, якобы являющегося только фактом «поведения» говорящего субъекта, а не выражением мыслительного содержания, лишь сопровождаемого эмоциональными моментами, это лингвистическое направление не может дать положительных результатов и для анализа стилей языка, как не дает их и для анализа его структуры (подробнее см. М. М. Гухман, Против идеализма и реакции в современном американском языкознании, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 4).

² Так называемый «формальный метод» в поэтике и искусствознании и связанные с ним направления в самом искусстве (футуризм, конструктивизм и т. п.) неправильно переносятся на знаковые (семиотические) явления (язык, искусство), т. е. на явления, которые не могут быть оторваны от их познавательного (идейного) значения, технические законы соотношения «конструкции» и «материала». Элементы «техники» (в кавычках) могут быть усмотрены в языке или искусстве, но они там не самостоятельны (не автономны), а потому их нельзя ни выделять, делая их самостоятельным объектом анализа, как это делали «формалисты», ни противопоставлять в качестве одной «сторны» другой «стороне» — идейно-познавательной, как тоже иногда делалось (ср., например, В. И. Абаев, Язык как идеология и язык как техника, сб. «Язык и мышление», II, Л., 1934, стр. 33—54). Поэтому признание идейно-познавательного момента основной сущностью языка (как и искусства) неотделимо от признания знакового характера его структуры, хотя признающие этот характер соссюрианцы, структуралисты и глоссематики и приведены, в результате извращения ими основных лингвистических понятий посредством физикалистских аналогий (см. выше), к необходимости выведения «содержания» языка (семантики) за пределы самой языковой структуры.

³ В математике термин «функция» получил совершенно особое (условное) значение (близкое к понятию «зависимости»), и перенесение этого значения в языкознание так же неправильно, как и физикалистские аналогии. До структурализма (у А. Марти, в Пражском лингвистическом кружке) термин «функция» применялся в обычном (нематематическом) значении в составе корреляции: форма — ее функция. Новое значение было, по-видимому, впервые выдвинуто Л. Ельмслевом в 1939 г. (см. «La notion de rection», «Acta linguistica», vol. I, fasc. 1, Copenhagen, 1939, стр. 11; см. там же возражения Ельмслева против «функциональной лингвистики» в неструктуралистском понимании).

тивную функцию признака (Anzeichen), указания, сигнала, симптома, т. е. функцию «дейктическую» (ср. примеры такого использования незнакомых в судебном следствии, в судебной или технической экспертизе; симптомы в медицине или метеорологии и т. п.).

*

Термины «система языка» и «языковая структура» не следует ни отождествлять, ни противопоставлять друг другу. Система языка есть относительное подвижное равновесие составляющих ее взаимозависимых элементов, которое позволяет языку удовлетворять потребности общения и приспособляться к их изменениям. Это — основное понятие языковой реальности, основа ее объективного (независимого от произвола применяющих ее индивидов) существования и основа выполнения ею своего социального назначения — быть средством общения между людьми. Любая языковая система структурна, т. е. структурность — это то ее свойство, которое отличает ее от других знаковых (семпотических) систем (вплоть до светофора или боя часов). Эти другие системы также выполняют функции сообщения (коммуникативные), но в гораздо более ограниченных пределах и притом осуществляют эту коммуникацию, так сказать, в «чистом», ничем не осложненном виде. В противоположность этому, во-первых, коммуникативные возможности языка в сфере логической (понятийно-категориальной) безграничны, а в сфере экспрессивно-эмоциональной (закрытой для большинства знаковых систем, кроме, например, пантомимы) чрезвычайно широки; во-вторых, язык не только сообщает (передает) мыслительное содержание, но и способствует его возникновению, оформлению и закреплению в акте сознания: само наше мышление «словесно», но не может быть, например, «светофорно» или (как думали итальянские футуристы) «телеграфно».

Языковая структура, реализуемая в той или иной непрерывно развивающейся системе языка, «многопланова» и «иерархична», но и то, и другое выражения как лингвистические термины могут быть взяты только в своем метафорическом значении. Иначе их употребление поведет к такому схематическому упрощению, которое будет искажать объект исследования. В структуре языка нет и не может быть таких «планов», «этажей», «ярусов» и т. п., которые соответствовали бы фонетике (или фонематике), морфологии, синтаксису и тем более лексике. «Стратификация» языка, понимаемая в таком смысле, может привести только к голой абстракции. В этом смысле наиболее характерна статья Л. Ельмслева «La stratification du langage» («Word», vol. 10, № 2—3, стр. 43—68)¹.

Бесплодно спорить о том, «линейна» (двухмерна) или «глубинна» (трехмерна) языковая структура. Это — опять только метафоры, так как в реальном своем значении эти термины связаны с реальным (физическим) пространством. Понимать их как соотнесенные с математическим пространством (как в геометрии Лобачевского или Римана) тоже нет оснований, но эта аналогия все-таки более допустима, так как здесь мы будем иметь дело не с пространством как физической реальностью, а только с носителем измерения. Но споры все-таки будут бесплодны, так как из языка нельзя исключить четвертого измерения — времени, и в этом и заключается единство синхронии и диахронии². Язык и структурные отношения его значимых элементов существуют

¹ Ср. также А. А. Реформатский, Что такое структурализм? (ВЯ, 1957, № 6, стр. 25—37), где «стратификация» языка еще схематичнее и еще примитивнее, чем у Ельмслева.

² Более подробно это положение раскрыто у О. С. Ахмановой («Основные направления лингвистического структурализма», М., 1955, стр. 6—7), которая в свою очередь ссылается на его интерпретацию у А. И. Смирницкого в статье «По поводу конверсии в английском языке» («Ин. яз. в шк.», 1954, № 3, стр. 14 и сл.).

только во времени, а геометрические фигуры и тела и геометрические отношения — вне его.

«Планы», или «ярусы», или «слои» (*strata*) языка не совпадают с делением элементов языковой системы на фонетические (фонематические), морфологические и синтаксические. Все гораздо сложнее, так как все эти типы элементов системы переплетаются в отношениях различных типов, из которых для лингвиста представляют интерес только отношения, реально выражаемые разными способами в разных языках, а отнюдь не отношения «мыслимые», способы выражения которых языковыми средствами нам неизвестны и в применении к которым вполне допустим и «панхронический» (resp. «ахронический») подход. Эти последние отношения, постулируемые для языка, по своей онтологической сущности ничем не отличаются, например, от геометрических форм тел, которые не встречаются в природе. Лингвисту до «мыслимых» отношений так же нет никакого дела, как кристаллографу нет дела до многогранников, в которых ни одно вещество не кристаллизуется.

Одно положение Ф. де Соссюра остается неизбежным и остается ключом к пониманию структуры языковой системы. Это — выделение им двух основных типов отношений между элементами системы — парадигматических и синтагматических. Оно не упраздняет деление грамматики на морфологию и синтаксис, оно не ликвидирует морфологию как дисциплину, растворяя ее между «учением о слове» и синтаксисом (как это было не только в «новом учении о языке»), но оно значительно уточняет отношения между отделами и подотделами грамматики, позволяя в необходимых случаях как бы подниматься над ними, чтобы видеть объект (форму словесного выражения) более целостным и с разных точек зрения¹.

Но, с другой стороны, необходимо решительно преодолеть упрощенное соссюровское понятие «двуплановости» как двухмерного образа, представляющего собою простое парное соотношение «означающего» (*signifiant*) и «означаемого» (*signifié*). Это понятие верно лишь постольку, поскольку верным является всякое наивно-реалистическое умозаключение. Действительно, «означающим» звуковым комплексам [stoll], [tabl'], [teibl], [tif] будет соответствовать одно «означаемое» — предмет, состоящий из «доски», имеющей прямоугольную, многогранную, круглую или овальную форму на одной, трех, четырех или шести «ножках»². Но так как в разных языках различны и их лексико-семантические системы, то в каждом языке соответствующий «означающий» звуковой комплекс может быть соотнесен и с другим «означаемым» (например, русск. *стол* «часть канцелярии» или франц. и англ. *table* «таблица»), которое будет рассматриваться как «второе», «омонимическое», «дополнительное», «производное» или какое-нибудь еще «значение слова», хотя в ряде случаев разница будет не в «значении» (*Bedeutung*), а в «предметной соотнесенности» (*gegenständliche Beziehung*), что лингвисты нередко путают. Но даже и с этой последней поправкою язык, представляемый в виде системы такого рода «билатеральных» знаков, будет отличаться от светофора только количественно: там три пары и весьма ограниченная возможность комбинаций из них, а в языке многие десятки тысяч пар и бесконечное число их комбинаций. Но что дальше? Из лингвистов всего этого может быть достаточно лексикографу-практику (и то едва ли), а для анализа языковой структуры это почти ничего не даст. Часть структуралистов (в первую очередь

¹ Такую же возможность подняться над отдельными категориями языковых форм дает выдвинутое В. Брёндалем учение о «компенсации» и «варьировании» как двух основных принципах образования и развития форм (см. «Essais de linguistique générale», стр. 105—116). Это плодотворное учение, к сожалению, пока не получило дальнейшего развития в языкознании.

² Ср. близкие к этому определения в толковых словарях под ред. Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова.

Л. Ельмслев), не отказываясь от «билатеральности» языкового знака, фактически отбрасывают и «означающее» и «означаемое» как «субстанции», находящиеся якобы вне языковой структуры в собственном смысле, и составляют в качестве объекта лингвистического анализа только «коммутационные» отношения между ними, крайне схематизируя эти последние в своем стремлении к «простоте» описания.

Однако не нужно пытаться упростить то, что не поддается упрощению. В этом — одна из основных ошибок глоссематиков, которые хотят описывать язык так, чтобы в описании «не было противоречий» (*non-contradiction de la description*), чтобы оно было «исчерпывающим» (*exhaustivité de la description*) и чтобы оно было «максимально простым» (*simplicité maximale de la description*). Это проходит красной нитью через все последние работы группы Ельмслева и является следствием примитивности философских предпосылок их лингвистической (глоссематической) концепции¹.

Во-первых, об отсутствии каких «противоречий» идет речь? Формально-логических противоречий в научном исследовании, конечно, быть не должно, но ведь они могут быть или не быть в а н а л и з е явления, в установлении его прямых и опосредованных связей, в выводах из сопоставления данного явления с другими, из взаимодействия разных явлений и т. д. А здесь речь идет об о п и с а н и и, в котором могут быть только ошибки в непосредственном восприятии, коренящиеся либо в субъективных дефектах описателя (дальтонист не может описывать цвета, а глухой — звуки языка), либо в недостатке знаний и опыта у того же описателя (в лингвистике нельзя, например, описывать язык, не зная его, что, впрочем, нередко делают). Если же речь идет об объективных противоречиях самой действительности, то для нас нет непротиворечивых объектов, и таковыми они и должны быть «описаны»: поэтому диалектический метод и является единственным научным методом, о чем спорить с Ельмслевом, пожалуй, бесполезно.

Во-вторых, исчерпываемость описания во многих случаях — утопия и притом ненужная: можно описать в с е фоны русского языка, можно описать в с е случаи их сочетаний (хотя достаточно и типов сочетаний), но нельзя и не нужно описывать в с е случаи сочетания данного прилагательного с определяемым существительным или переходного глагола с существительным в роли дополнения. Правильнее было бы говорить о достаточной (для суждения о функции в системе) полноте описания.

В-третьих, «простота» описания — вещь очень относительная. Не нужно ничего п р и м ы ш л я т ь к данному в восприятии, основанном на опыте. Можно иногда, если это необходимо (иногда бывает как раз наоборот), исключать сознательно опыт апперцепции, но, как нельзя цветок из семейства сложноцветных описывать так же «просто», как описывают споровое растение, или млекопитающее — как дождевого червя, так нельзя и личное окончание глагола или дифтонг описывать так же, как с л е д у е т описывать варианты порядка слов или конструкцию сложноподчиненного предложения.

Вся эта схоластически разработанная методика чистого описания (так же как и американская методика описания фактов языка на бихевиори-

¹ Можно полностью присоединиться к подробному критическому разбору этих положений школы Л. Ельмслева в статье Л. Л. Хаммериха «Les glossématises danois et leurs méthodes» («Acta philologica scandinavica», Bd. 21, Hf. 1, 1950, стр. 1—21) по поводу сборника «Recherches structurales, 1949». Выступивший в защиту школы П. Дидерихсен (там же, Hf. 2) не мог опровергнуть ни одного из основных положений Хаммериха. Ряд верных критических замечаний об этих положениях Ельмслева есть и в статье А. Мартине «Au sujet des „Fondements de la théorie linguistique“ de Louis Hjelmslev» (BSLP, t. 42, fasc. 1, 1946, стр. 19—42). В. Пизани совершенно неверно считает, что Хаммерих выступил только против искажения мыслей Ельмслева его учениками (В. П и з а н и, Общее и индоевропейское языкознание, М., 1956, стр. 85, примеч. 3).

стской основе) ровно ничего не может дать для изучения структурного характера языковой системы. Как я уже говорил, она уводит от языка в сторону, и в м н и м о м объекте, описывая его «независимо от опыта» (слова Ельмслева) и отрешаясь от «постулата экзистенции», находит и выделяет из т е к с т а «неразложимые основные единства» (*unités de base indissociables*), из которых и строит «синхронное состояние» языка, подлежащее затем «расчленению на слои» (*stratification*). Не анализируя фактов языка, а только «описывая» их указанными выше методами и затем комбинируя свои произвольно созданные «единства», последовательный структуралист (теор. глоссематик) строит затем теорию, которая была бы «приложима» ко всем фактам, но была бы такою, которую факты не могли бы ни подтвердить (в чем она не нуждается), ни опровергнуть (чего она не боится). Естественно, что при таких условиях не стоит никакого труда установить «чистую синхронию» системы, которая, правда, тут же самоупразднится, так как, не будучи противопоставлена никакой диахронии¹, она логически перейдет в «панхронию» или «ахронию».

В анализе структурных свойств языковой системы можно идти только совершенно иным путем. Разумеется, до этого анализа исследуемый язык или исследуемые языки должны быть описаны, причем в этом описании неизбежно будут присутствовать моменты элементарного анализа соотношений между фактами языка, без чего никакого н а у ч н о г о описания не получится, а будет только «материал для описания» — фрагментарный даже при самом добросовестном субъективном стремлении к исчерпывающей полноте (*exhaustivité* Ельмслева). Для этого описания обязательно должна быть выделена о т н о с и т е л ь н о синхронная полоса с условным (временным) отвлечением от развития внутри нее. Нельзя описывать язык Сумарокова и Фета, Фонвизина и Чехова, язык «Русской Правды» и язык духовной грамоты Ивана Калиты в каждом из этих случаев как о д н у систему, но, и описывая, например, систему русского литературного языка второй половины XIX в., не н а д о разъединять то, что есть в языке Тургенева, и то, что есть у Чехова и Короленко. Независимо от того, выполнено ли описание самим исследователем или другими лицами, тот, кто приступает к анализу системы языка, должен знать этот язык, владеть им и свободно оперировать с текстами любой сложности и любых стилистических вариантов, а не только с грамматическими справочниками и словарями.

Все это — чисто внешние условия проведения лингвистического исследования, но в плане противопоставления их структуралистическим рецептам (зарубежным или нашим) они поднимаются до принципиальной высоты, так как только пренебрежение ими и может увести языковеда в сторону от языка. Поэтому на них нельзя было не остановиться.

Но вместе с тем я вовсе не считаю, что к анализу языковой системы нужно (из боязни предвзятого подхода) приступать с теоретической *tabula rasa*. Нельзя не отметить того, какое отрицательное значение имела для структурализма примитивность философских предпосылок его основателей, стремившихся ввести лингвистику в общее русло «науки и философии двадцатого века», якобы преодолевшей «науку и философию девятнадцатого века». Все без исключения работы структуралистов и глоссематиков убеждают в том, что сведения об этом «русле», в которое они собирались вводить лингвистику, были у них из вторых рук². Таковы их представления о философской основе квантовой теории, о мутационных би-

¹ Термины «синхрония» и «диахрония» я считаю очень неудачными и неадекватными логическому содержанию понятий, которые здесь необходимо было бы конструировать. Употреблять их приходится лишь в силу их распространенности и привычности. Об их неудобстве см. также: Ж. Ф у р к е, «Синхроническая» точка зрения при изучении германских литературных языков и диалектов (ВЯ, 1958, № 4 стр. 99 и сл.).

² Ср. ссылки В. Брэндала на философский словарь Лаланда в статье «Linguistique structurale» («Acta linguistica», vol. I, fasc. 1, Copenhagen, 1939).

ологических теориях; таковы же их апелляции к Гуссерлю, не показывающие серьезного знакомства ни со вторым томом его «Логических исследований», ни с философской традицией, из которой выросла его «феноменология». Нельзя не отметить также полного игнорирования ими работ А. Марти, В. Хаверса и многих других незаурядных представителей общего языкознания, взгляды которых нельзя отбрасывать как целиком «устаревшие».

Любой советский языковед вооружен общенаучной методологией, которая для нас не дискуссионна и которая способна предохранить его от некритического отношения к о б щ е т е о р е т и ч е с к и м основам структурализма. Но усвоение этой общенаучной методологии еще не гарантирует от излишнего доверия к модным лингвистическим теориям, касающимся более конкретных и частных вопросов, к методике исследования. (Ведь считали же у нас, что «палеонтологические» и «стадиальные» ступидии созвучны марксизму, а сравнительно-историческое изучение родственных по происхождению языков с ним несовместимо.) Определенная методика исследования, хотя она и вырабатывается на изучении фактов, должна при современном состоянии нашей науки предшествовать их анализу и на нем совершенствоваться. Эта методика в любой своей детали не должна противоречить принимаемым всеми нами общим принципам языкознания как одной из общественных наук, т. е. положениям о том, что язык как важнейшее орудие общения людей есть явление общественное, исторически развивающееся вместе с обществом, не имеющее ничего общего ни с атомом, ни с кристаллом, очень мало общего с организмом, но вместе с тем отличное от других (несемiotических) общественных явлений и никогда в своей истории не бывшее идеологической надстройкой.

*

Принципиальные основы и методические пути анализа системы языка, специфической чертой которой является ее структурность и в которой важнейшую роль играет иерархическая соподчиненность ее значимых элементов (непрерывно изменяющаяся в не останавливаемом по произволу лингвиста процессе развития языка), представляются мне в следующем виде.

1. Так как языковая структура не есть «упорядочение» (arrangement) и «распределение» (distribution), то ее элементы не могут рассматриваться как лежащие в одной плоскости. Метафорически можно поэтому говорить о «глубинности» структуры языка.

2. В языке как явлении знаковом не может быть противопоставления «субстанции» форме, так как любая субстанция, становясь знаком, приобретает н о в о е качество, при котором противоположение формы и субстанции как бы снимается¹, но материальная (если угодно, «субстанциональная») сторона знака сохраняет всю свою важность, так как знак должен обладать дифференциальными признаками, каковым может быть и «нулевое» выражение (см. также выше, примеч. 2 к стр. 38).

3. Все значимые элементы языковой структуры являются, следовательно, ф о р м а м и, «отягощенными» звуковой материей (или ее графической презентацией), и поэтому сама эта структура есть с и с т е м а иерархически соподчиненных ф о р м, раскрываемых анализом в содержании любого языкового т е к с т а и выражающих (т. е. делающих доступными для других) акты нашего сознания, которые, в свою очередь, отражают явления реального мира, причем различные модальности актов сознания также находят свое выражение в языке (но не в других искусственных семиотических системах, имеющих характер «кода»).

¹ О раскрытии содержания знака (при присущем только знаку качестве «содержательности») как системы форм см. выше (стр. 38).

4. Акт восприятия любого знака, в отличие от акта восприятия вещи, не являющейся знаком, есть акт п о н и м а н и я, или акт «интеллигентный». Это относится как к языковому знаку, так и ко всем другим знакам, входящим в состав систем разной степени сложности, вплоть до самых примитивных, состоящих только из одной «оппозиции» (железнодорожный семафор). Но акт языкового понимания настолько сложнее актов восприятия всех других знаков и их систем, что даже по этой причине, исходя из принципа перехода количества в качество, следует признать принципиальное качественное отличие языка от всех других знаковых систем, не говоря уже о том, что это принципиальное отличие создается фактом независимости развития языка в целом от воли отдельных индивидов, организаций, законодательных органов и т. д.¹ Акт языкового понимания остается сложным многоступенчатым актом, хотя бы в реальном психическом процессе у воспринимающего речь индивида он и был «автоматизован» в той или иной степени и реально протекал в какие-то доли секунды. Он остается принципиально сложным потому, что воспринимается в нем (в этом можно согласиться с Л. Ельмслевом) «целая сеть функций» (*réseau de fonctions* — в смысле «сети зависимостей») ², которая лишь в своем целом передаст логическое содержание высказывания (текста) или его определенной относительно замкнутой в себе части. Однако содержание подавляющего большинства высказываний (текстов) не исчерпывается их чисто логическим содержанием, а включает в себя элементы эмоциональные, прагматически направленные, обусловленные обстановкой высказывания, врожденно-индивидуальными или усвоенными в результате привычки чертами говорящего и т. д. Поэтому в языке к «сети» собственно языковых функций, которую и хочет ограничить себя так называемый «структуральный анализ», могут (но не обязательно в каждом случае реального высказывания) присоединяться функции дейктические и экспрессивные.

Для всякого рода систем знаков-сигналов дейктическая функция — основная, как для междометий (*quasi*-слов, не входящих в систему языка) основною является экспрессивная функция. Дейктические и экспрессивные элементы в языке не образуют «сети функций» (в ельмслевовском смысле), так как они не образуют «иерархии подчинения», характерной для языковой структуры. Они «примешиваются» к ней, оставаясь внеполночными системе языка. Таковы, кроме междометий, некоторые интонационные характеристики, инверсии, противоречащие системе языка, а также аффиксальные наращения (деминутивные, нейоративные и т. д.), эллипсы и т. п.³ Однако, какую бы роль ни играли эти экспрессивные и дейктические элементы в том или ином высказывании (тексте), в структуре языка обе эти сферы остаются подчиненными основной сфере — логической, которая и в языке образном (поэтическом) не утрачивается как основа, а лишь модифицируется через усложнение отношения так называемой «внутренней формы» слова, словосочетания или предложения к логической форме выражаемых ими понятий или суждений. Помимо этого «поэтическая» речь как бы «окрашивается» (в боль-

¹ Мы не имеем в виду в данном случае «искусственные языки».

² В. Брёндаль говорит не о «сети функций (зависимостей)», а о «сети корреляций» (*réseau de corrélations*), которые могут быть двух родов — «оппозициями» или «единствами» (*solidarités*) (ср., например, «*Essais de linguistique générale*», стр. 105). А. Мартинес отвергает необходимость придания в лингвистике термину «функция» математического значения «зависимости» (BSLP, t. 42, fasc. 1, 1946, стр. 40). По существу он прав, так как и обычного значения этого термина устранить из лингвистики нельзя, и таким образом получаются омонимы, что недопустимо в научной терминологии. Но в данном контексте я употребляю термин «функция» именно в смысле, приданном ему в глоссематике.

³ Это «примешивание» приводит к тому, что в акте понимания языкового текста к доминирующему логическому пониманию могут примешиваться элементы так называемого «симпатического понимания». Ср. G. Finnbogason, *Den sympatiske Forståelse*, København, 1911 (ссть франц. перевод).

ней степени, чем речь обыденная, деловая, научная и т. п.) экспрессивно-стилистическими моментами, которые играют не меньшую роль и в лишенной художественной формы в собственном смысле (т. е. упомянутого «усложнения») ораторской речи и публицистике. Но ни доведенное до крайней степени усложнение поэтических средств, ни максимальная риторическая выразительность не могут вывести языковую структуру из-под главенства логического содержания и превратить ее в «язык образов», в чистую поэтическую или риторическую форму¹.

5. Язык как объект анализа дан нам всегда в виде т е к с т а (устного или письменного)², через который и вскрывается его система. Понятие «текста» не имеет ничего общего с понятием «речи», выдвинутым Ф. де Соссюром и выдвигаемым до сих пор продолжателями его доктрины в этом пункте. «Речь» — это психо-физиологический процесс, проявление деятельности нашей «второй сигнальной системы», объект изучения для психологов и физиологов. Лингвист вправе не интересоваться ею и не знать специфических методов ее изучения. Она — результат речевой способности человека, обусловленной строением его мозга и его органов речи и слуха (или зрения для письменной речи). «Текст» есть р е з у л ь т а т единичного речевого процесса или ряда последовательных процессов. Соотнесенность между процессом и его результатом не имеет ничего специфического в языке, она всюду одна и та же, и п о н я т ь результат из механики процесса никогда нельзя, а «текст» требует прежде всего п о н и м а н и я, которое раскрывается из его соотнесенности с «системой языка» (он, а не «речь», с ней соотнесен, что поняли и некоторые структуралисты, сумевшие порвать здесь с Ф. де Соссюром). Но «текст» не противопоставлен «системе языка», как «речи» обычно противопоставляют «язык»; закономерности в них о д н и и т е ж е — языковые, и если «лингвистики речи» вообще не может быть, потому что это — не лингвистика, а удел других наук, то не может быть и особой «лингвистики текста» наряду с «лингвистикой системы»; в этом ошибаются структуралисты, вводящие п а р н ы е термины для обозначения типов соотношения структурных элементов языка «в системе» и «в тексте» («реляция» — «корреляция», «селекция» — «спецификация» и т. п.). Обосновать необходимость двойных терминов никому из них пока не удалось. Хотя рациональное зерно в этой идее (затемненной многими схоластическими рассуждениями) есть, но этот вопрос требовал бы специального детального рассмотрения.

6. Всякий т е к с т требует понимания, которое неосуществимо без точного и полного знания системы того языка, на котором он написан или произнесен, включая, конечно, и лексику³. Но «понимание» не обеспечивается полностью одним только знанием системы языка; оно требует особых «филологических» методов («рецензия» и «интерпретация») при условии, конечно, совершенного знания филологом системы данного язы-

¹ Это положение, которое безуспешно пытался (отчасти опираясь на взгляды А. А. Потебни) сокрушить русский формализм конца 10-х — начала 20-х годов, поднимавший теперь на Западе снова на щит (ср. V. Ehrlich, Russian formalism, 's-Gravenhague, 1955), было недавно ярко и убедительно раскрыто в статье В. С о л о - у х и н а «Поэзия и время» («Лит. газета» 17 VII 1958).

² Л. Ельмслев и некоторые другие лингвисты неоднократно подчеркивали принципиальное отличие написанного текста от произнесенного. Это совершенно бесспорно, но отличие здесь лежит совсем в другой плоскости и несколько не затрагивает законов языковой с т р у к т у р ы, как бы ни были в том или ином конкретном случае велики отличия в синтаксических конструкциях, в отборе лексики и т. д. Это — отличие функциональное. Этому мало разработанному вопросу нами посвящается особая статья «О функциональных разнovidностях языка».

³ Для письменного текста необходимо, разумеется, и знание графической системы, но история науки показывает, что филологу легче «расшифровать» неизвестную систему письма, чем реконструировать систему исчезнувшего языка. Ср. историю безуспешных попыток понять систему этрусского языка, памятники которого написаны доступным письмом, неполноту понимания латинских и латинских текстов и, наоборот, относительно быстрый ход восстановления системы хеттского и митаннийско-греческого языка, где есть опора для понимания строя языка, облегчавшая и расшифровку письма.

ка. Эти филологические методы понимания *in potentia* наличны у каждого человека и применяются им бессознательно пропорционально его общему умственному развитию, но только до какой-то ступени «трудности» текста, когда может наступить либо частичное и даже полное непонимание, либо разрыв между субъективным, удовлетворяющим в данной ситуации пониманием (например, пониманием произведений Гомера, Петrarки или Пушкина) и объективно-научным (филологическим) пониманием. Лингвист может быть одновременно и филологом, но если он им не является, то обязан воспользоваться филологической работой других ученых¹. Филолога объединяет с лингвистом одно условие исследовательской работы — точное и полное знание системы языка. Без этого знания филолог не может добиться понимания текста, как не может понять устного или письменного высказывания любой человек, не знающий данного языка. Но лингвистический анализ текста — дело только лингвиста: филологу за него не надо и браться (конечно, опять-таки, если исследователь не совмещает в себе обеих специальностей)². Таким образом, филолог и лингвист, при разных задачах своих собственных научных дисциплин, друг друга взаимно обслуживают, но не должны подменять друг друга.

7. Текст, подлежащий пониманию филолога посредством его критики («рецензии») и интерпретации и анализ у лингвиста как данность для суждения о структуре языковой системы, должен быть оторван от психофизиологического речевого процесса, результатом которого он явился, но ни в первом, ни во втором случае он не может быть оторван от исторического процесса, результатом которого он является в другом плане, потому что обе науки (и филология, и лингвистика) являются науками историческими. Для понимания и текста нужен исторический контекст, для анализа структуры языковой системы — установление соотношения ее элементов как продуктивных или непродуктивных, находящихся в становлении или отмирающих, нейтральных или стилистически окрашенных и т. д. Все это дается только рассмотрением самой системы как подвижного равновесия, как непрерывного приспособления к изменяющимся потребностям общения. Соссюрианцы всегда подчеркивают, что система языка — это то, где все «держится друг за друга» (*ou tout se tient*). Это верно, но «держится» оно только потому, что система языка — подвижное равновесие с непрерывной заменой утрачиваемых за ненадобностью элементов и непрерывным введением новых элементов, входящих в ту же систему. Если же это было бы не так, и система языка была бы такою, какою она выглядит в чистом синхронном описании, т. е. абсолютным равновесием, то принцип «*tout se tient*» не осуществлялся бы, и от малейшего толчка система развалилась бы. Когда из атома «вышибают» бомбардировкою α -частиц один электрон, атом перестает быть тем, чем он был, утрачивает свои свойства, способность вступать в те реакции, в какие он вступал раньше: он становится сразу новою «структурою», потому что он — система абсолютного равновесия. Если из мотора вынимают деталь, он вообще перестает работать,

¹ Так, например, применительно к изучению клинописного хеттского языка за последние 30—35 лет можно сказать, что И. Фридрих и А. Гетце были прежде всего филологами, а Э. Х. Стеревант и Х. Педерсен (и в последнее время Г. Кронассер) — только лингвистами, тогда как Ф. Зоммер совмещал в одном лице обе специальности. Ср. также замечания А. Мейе о различии двух младограмматических направлений в Германии 70—90-х годов — лейпцигском и берлинском: в первом «укрепилась тенденция заниматься чистой лингвистикой, приписывая филологические факты за установленные», а во втором «наблюдается большее стремление исследовать непосредственно филологические факты» (см. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 466—467).

² Можно вспомнить о неудачах, постигавших таких выдающихся филологов первой половины XIX в., как Г. Герман, Ф. Бутман, Хр. Лобек, когда они брались сами за собственно лингвистический анализ, хотя накопленный ими (особенно Лобеком) материал до сих пор еще полностью не освоен лингвистикой.

а если в конструкции самолета производят частичные изменения, летчику нужно переучиваться управлять им. В языке все наоборот. Каждый, даже относительно небольшой социальный сдвиг изменяет формы и масштабы общения, социальную конфигурацию общающихся групп носителей языка, создает новые понятия, требующие своего выражения, изменяет объем и содержание старых понятий, отношения между ними и т. д. Большие социальные потрясения производят это в гораздо больших масштабах, и язык тут же отвечает на все — не только вводит новые слова (лексемы), меняет значение старых и изгоняет те, которые стали совсем ненужны, не только нейтрализует стилистически окрашенные слова или, наоборот, впускает в нормализованную речь целые волны просторечия, делает продуктивными иногда почти отмершие словообразовательные типы, создает новые фразеологизмы из свободных словосочетаний, но и «ломает» частично синтаксические конструкции и даже (правда, реже всего) производит изменения и в морфологии. И все эти внешне обусловленные изменения протекают в одном ряду с изменениями по «внутренним законам развития», внешне не обусловленными, протекающими в медленной, постепенной эволюции — только как «саморазвитие» самой системы. Оба типа изменений языка непрерывно взаимодействуют, так как совершаются в рамках единой структуры, допускающей непрерывную частичную перестройку системы языка, в которой она реализуется, и непрерывное приспособление этой системы к новым условиям.

8. Когда мы говорим, что структура языковой системы является выражением совокупности актов сознания в их различных модальностях, то нельзя считать, что отдельные структурные элементы языковой системы выражают отдельные акты сознания. Ни фонема, ни морфема, ни даже слово никакого акта сознания не выражают. Для выражения каждого акта сознания нужна если не вся структура, то, во всяком случае, значительное количество разнохарактерных, но иерархически соподчиненных элементов. Обратно, в каждом значимом элементе языковой структуры переплетаются многие акты сознания. Целостность акта сознания или совокупности актов выражается только текстом (высказыванием). Даже предложение выражает его во всей целостности только тогда, когда оно является самостоятельным текстом (например, изречением).

9. Если проводить какое-то соответствие между структурностью как свойством языковой системы и «Gestaltsqualität» в психологии, то, в отличие от способа сопоставления этих двух вещей структуралистами, аналогию можно было бы усмотреть в том, что в обоих случаях мы имеем дело с «чистыми формами сочетания» элементов чувственного восприятия. Но так как, во-первых, «Gestalt» в психологии не семиотична (не есть «знак чего-то»), а во-вторых, в языке в чувственном восприятии нам дана не система языка, которая обладает структурностью, а текст, который ею не обладает, то никакая аналогия не правомерна¹.

10. Структурный анализ системы языка требует выдвижения анализа значения слов и словосочетаний на первый план, а не устранения из него этого анализа, как это делают глоссематики, считающие «значения» такими же «субстанциями», как и «акустические образы звуков», и в качестве «субстанций» внеположными языку, так что язык для них остается только сферой чистых отношений. Структурный анализ требует коренной и последовательной перестройки традиционной семасиологии, устранения из нее пережитков формального логицизма (сужение и расширение, качественность и относительность и т. п.) и ассоциативного психологизма (ассоциации играют роль в семантике, но очень ограниченную),

¹ Использование данных «Gestaltpsychologie» до некоторой степени возможно в стилистике, поскольку стилевые черты языка могут в определенном аспекте рассматриваться как относительно асемиотические («признаковые», а не «знаковые»). Ср. выше (стр. 44, примеч. 3) о возможном наличии элементов «симпатического» понимания в восприятии языкового текста.

рассмотрения лексического состава языка как о с о б о г о р о д а системы (вовсе не такой, какую является, например, система фонем), анализа влияния синтагматических связей слов на развитие их значений и их место в лексико-семантической «системе», анализа связи деривационных процессов с семантическими и мн. др. Ни один из вопросов этого круга не допускает разработки его в плане чистой синхронии, так как слово получает значение только в тексте, а текст понятен до конца только в историческом контексте. Семасиология не может быть также оторвана от стилистики, так как основная с т р у к т у р н а я черта «значения слова», его п о л и с е м и я, раскрывается только через соотношение стилей языка (за исключением лишенной полисемии абсолютно терминированной речи, которую глоссематики с известным основанием противопоставляют языку как «метаязыку»)¹.

*

Таковы теоретические предпосылки структурного анализа языка, которые можно, при современном состоянии разработки у нас вопросов общего языкознания, п р о т и в о п о с т а в и т ь господствующим установкам структуралистов и глоссематиков в сфере анализа структурных свойств системы языка. Реализация этих предпосылок в конкретных исследованиях осуществима только при условии признания того, что синхронное состояние языка насквозь пронизано диахронией, а последняя (изменение и развитие языка) возможна как реальный факт социальной действительности только при условии, что язык ни на один момент не перестает быть с и с т е м о й, годной для общения людей. Без признания этого ни одно из изложенных выше в десяти пунктах соображений не приложимо к конкретному исследованию. Изложенные положения не имеют ничего общего с «рабочими гипотезами» структуралистов, которые, по заявлению Ельмслева, можно прилагать к чему угодно так, что объект приложения на них никак не повлияет и от них не пострадает². Наши положения — это только методические принципы, вытекающие из опыта предшествующего развития лингвистики и филологии, которые в ходе дальнейшего развития этих наук должны, конечно, уточняться, совершенствоваться и детализироваться. В частности, советское языкознание должно освоить достижения филологии (рецензии и интерпретации текста) XIX—XX вв. (в первую очередь «классической» филологии) гораздо глубже, чем это, к сожалению, имеет у нас место (ср., например, несовершенство филологической обработки новгородских берестяных грамот)³.

¹ В реальной действительности абсолютно терминированной речи не бывает, а встречаются только большие или меньшие приближения к ней с элементами (пусть незначительными) той же полисемии. Существуют и различные «научные» (resp. законодательные, «деловые» и проч.) стили. Следовательно, «метаязык» не может быть реальным объектом изучения лингвиста. Вопрос о том, не являются ли «метаязыками» искусственные языки, требует особого рассмотрения.

² См. по этому поводу высказывания А. Мартине в упомянутой статье в BSLP (1946, t. 42, fasc. 1, стр. 23—24).

³ Эта несведомленность в достижениях филологической науки не в меньшей мере отражается и на развитии нашей текстологии, где при ином положении также возможно было бы плодотворное сотрудничество представителей обеих дисциплин, которое было бы полезно и для лингвистики, так как показало бы лингвистам г р а н и ц ы формального анализа текста и способствовало бы развитию стилистики как дисциплины лингвистической, но стоящей за пределами «структурной лингвистики». Примером объединения филологической и лингвистической работы в указанном здесь духе может служить статья В. В. В п л о г р а д о в а «Лингвистические основы научной критики текста» (ВЯ, 1958, № 2 и № 3).